

Маск. провед. - 1997. - 31 дек. - с. 5.

«Я верю в истину, красоту и добро!»

Нина ВЕЛЕХОВА

Шестидесятые годы. Это было не только «другое время», но и другая культура, другое искусство, другая психология. И скажи кто-нибудь тогда актерам, которые его выражали, что рванет в объятия дикости и невежества наша страна - Россия, совсем недавно удивлявшая иностранных туристов своей чистотой, своей высокой моралью и духовностью, его бы высмеяли и выгнали на мороз, как перебравшего терпимую дозу алкоголя.

Поставить спектакль было равнозначно открытию новой земли - столько же затрачивалось энергии духа и жизненных клеток, в которых крылась эта энергия. В каждой творящей душе было свое святое святых, и в нем секрет мастера - как зажигать сердца вдохновением творчества.

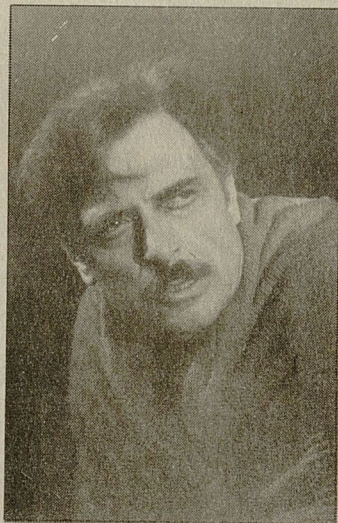
Знаменитость тех лет - Охлопков, узнав, что есть пьеса для него, то есть драма с взрывающимся конфликтом и сильными чувствами, сбежал в самом буквальном смысле из кардиологической больницы без ведома администрации через окно и начал репетировать арбузовскую «Иркутскую историю» с тремя совсем молодыми и неизвестными актерами - двое из них были выпускниками мхатовского и Щепкинского училищ, третья уже играла на сцене «Современника».

«Иркутская история» дала советскому театру Александра Лазарева, Светлану Мизери и Эдуарда Марцевича. И если быть честным, надо признать, что именно этот театр представлял то, что можно назвать особенностью русского характера, неудержимого в своих душевных порывах и в своих провалах и заблуждениях. Именно такой душой был наделен Виктор Бойцов - роль, превратившаяся в Театре имени Вл. Маяковского в исполнении Лазарева в сценический шедевр.

Сильный темперамент, острая выразительность жеста, голоса, мимики и полная свобода поражают в молодом актере. В антракте говорили: «Пришел актер на опустевшее амплу героя-неврастеника, он будет играть людей Достоевского!»

Виктор появлялся на сцене грубым, неотесанным, даже циничным парнем со стройки, любовь совершала над ним свое волшебство, и чтобы понять, что с ним произошло, не надо было долгих рассуждений. В спектакле было много хороших эпизодов, но один был коронный - ночь в тайге, свадьба Валентины и пляска Виктора у костра. Казалось, это был не танец, а прощание Виктора с

самим собой прежним. И все это открывал актер в танце, выразительности которого мог бы позавидовать прирожденный танцор.

Лазарева еще долго будет нести на своем вихре этот прощальный танец-монолог, предсказал один польский критик. Редкий дар угадывать происходящую в человеке тайную борьбу антагонистических начал, что дается не всем даже очень хорошим актерам - вот чем он владеет. Героев Лазарева не оставляет вопрос: кто же человек - вместилище светлого разума или темных страстей, как это происходит в Ясоне из «Медеи» Еврипида? Что в Хлудове («Бег»), белом генерале, в этом последнем оплоте защитников монархической России, главное? Роль не то что не простая, а феноменально глубокая.

В образе Хлудова Лазарев сосредоточил, следуя Булгакову и трактовке А.Гончарова, все противоречия трагической той эпохи, когда брат вынужден был идти против брата и каждая сторона считала, что выполняет свой долг перед Россией. Прежде в трактовках других театров Хлудов был только носителем вины, в игре Лазарева он еще и носитель трагической беды, обрушившей его жизнь. Походка, жест, взгляд Лазарева - Хлудова - все в этом образе дышит бедой апокалиптической, грядущим пожаром. Да, в его Хлудове был эффект привлекательности, которую вызывает Лазарев в своих трагедийных ролях. Он вносит в них романтическую ноту, о которой редко вспоминают актеры, воспитанные на малой правде. В его Дон Кихоте («Человек из Ламанчи») трагикомическая романтика проступает особенно сильно. Лазарев - Дон Кихот (он же и Сервантес) являет резкий контраст толпе, быдлу, не терпящему исключений. Но актер не лишил своего героя веры в то, что вокруг него добрые люди. И актер делает бесспорно гуманистическими самые нереальные, самые фантастические поступки Дон Кихота. Можно сказать, что высшая разумность заключена в этом странном, в этом великом чуде.

Драгоценное качество Лазарева - ничего не упрощать, не вносить обедняющую, упрощенную логику в то сложное, что зовут человеческой душой.

На этих днях А.Лазареву исполняется 60 лет. Как и раньше, он остается верен девизу своих героев: «Я верю в истину, красоту и добро». Сейчас, когда из искусства усиленно пытаются изгнать и одно, и другое, и третье, Александр Лазарев мог бы сказать: я сделал все, что должен был. Пусть другие сделают больше.

На снимках: А. Лазарев в ролях Хлудова («Бег») и Дон Кихота («Человек из Ламанчи»).

Фото Татьяны КИСЧУК.